

## «МЫ ЖИВЕМ В ЭПОХУ МИФОВ, РОЖДАЮЩИХ СТРАХИ» Интервью с Оксаной Гаман-Голутвиной

---

В сентябре 2011 года прошла международная конференция «*Политические элиты стран Балтийского региона, 1991 – 2011: итоги и перспективы*», организованная Балтийским федеральным университетом им. Иммануила Канта совместно с Центром общественно-политических исследований «Русская Балтика». В беседе с членом редколлегии журнала Вадимом Смирновым профессор, доктор политических наук, президент Российской ассоциации политической науки **Оксана Гаман-Голутвина** делится своими оценками специфики формирования политических элит бывших прибалтийских республик и размышляет над ролью России в постсоветском пространстве, «отягощенном» фобиями, мифами, усилением влиятельных групп и падением доверия населения к институтам власти.



— Оксана Викторовна, тема конференции, ведущей которой Вы выступили, — «*Политические элиты стран Балтийского региона, 1991 – 2011: итоги и перспективы*». Какие из идей, прозвучавших в ходе дискуссии, Вы бы выделили?

— Во-первых, хочу подчеркнуть неслучайность того, что конференция по данной теме прошла именно в Калининграде. Балтийский федеральный университет совершенно очевидным образом становится ведущим интеллектуальным центром не только в рамках Калининградской области, Северо-Запада России, но и в масштабе Балтийского региона. В последнюю четверть века мы отмечаем всплеск исследовательского интереса к изучению властных групп — как в России, так и за рубежом. И, на мой взгляд, БФУ им. И. Канта вполне мог бы стать одним из значимых элитологических центров, фокусирующимся на балтийской тематике. Уже сейчас здесь работают специалисты-страноведы, что весьма ценно.



Что же касается самой конференции, то я бы выделила высокий уровень экспертов, которые приняли в ней участие. Причем организаторам удалось справиться с весьма непростой задачей: собрать не только ключевых российских и европейских элитологов (а такие профессора, как Хайнрих Бест из Йены, Андраш Бозоки из Будапешта, Яцек Василевски из Варшавы, — это эксперты, которые создают европейскую элитологическую «повестку дня»), но и представителей самой политической элиты, причем как прежней, так и нынешней. Подобный «сплав» я считаю редкой удачей.

Конечно, одной из ключевых тем конференции стало осмысление все нарастающей роли политической элиты — образно говоря, влиятельные группы становятся все более влиятельными. Причем в случае стран Балтии фоном, контекстом для этого процесса является неопределенность, неустойчивость как неотъемлемое качество протекающих трансформационных процессов. И другой сюжет, подробно рассмотренный в ходе дискуссии: «фобии» современных элит бывших прибалтийских республик. Профессор Бест из Германии убедительно показал, как элиты, например Литвы, стали в Евросоюзе главными проводниками темы «российской угрозы», даже страха, который в итоге сплачивает ЕС. Тема сколь интересная, столь и сложная. В свою очередь Михаил Родин из Латвии в своем докладе увязал действия элит стран Балтии с политикой США.

**— И насколько долго Россия будет восприниматься через призму угрозы?**

— Вопрос справедливый, особенно если учесть, что чаще других о российской угрозе говорят элиты стран Балтии, то есть те группы, которые свой основной капитал сформировали именно на советском наследии и на бизнесе с Россией в современное время. Действительно, отношения России и стран Балтии за последние 20 лет были не только окрашены позитивными тонами, но и характеризовались рядом проблем, которые не решены по сей день. Закрывать на это глаза было бы неверно.

Однако позволю себе высказать, если угодно, украинский взгляд на «российскую угрозу»: я украинка по происхождению, но давно живу в России и, честно говоря, не могу отойти от впечатления, что все-таки исторические мифы продолжают давить на наше восприятие ближних и дальних соседей. Я полностью разделяю позицию, что, конечно, историческая память — я бы добавила, негативные мифы в этой исторической памяти, — к сожалению, продолжает по инерции оказывать влияние на формирование общественного мнения. Мы живем в эпоху мифов, рождающих страхи.



Нынешние политики, например Латвии, строят свои отношения с Россией, смотря на недавнее советское прошлое. А я всегда предпочитаю более длительную историческую ретроспективу. Например, вспоминаю, что латыши в XVIII веке не могли попасть в Ригу, потому что над городскими воротами висела известная надпись: «Собакам и латышам вход в Ригу запрещен». И не кто иной, как Петр Первый, император Российский, открыл латышам доступ в Ригу, которая тогда совсем не была латышским городом.

Что же касается, например, Литвы, я вспоминаю конференцию в Вильнюсе в 2004 году. Меня потрясли беседы с двумя таксистами — один меня вез из аэропорта в город, а другой, наоборот, из города в аэропорт. Меня очень интересовало, как относятся в Литве к русским, к советскому прошлому, и оба таксиста не были русскими: один — чистый литовец, другой — наполовину поляк, наполовину литовец. Первый таксист в ответ на мои вопросы сказал: «Я не буду высказывать свою точку зрения, я процитирую своего друга, активного деятеля "Саюдиса". Это цитата, я не комментирую никак: "Так хорошо, как при Советах, Литва больше не будет жить никогда"». Я была глубоко впечатлена, даже шокирована.

Польша — для меня это очень близкая тема. Вот как часто вспоминают, например, о Катыни. Понятно, что это трагедия, которую не отменишь. Но, говоря об этом факте, не упоминают почему-то о другом: в 1921—1922 годах около 20 тысяч русских солдат погибли в Польше. Меня невозможно упрекнуть в предвзятости в этом вопросе, потому что я сама украинка. Другой пример: в 1943 году в украинской области Волынь вырезали 70 тысяч поляков, причем это были женщины, дети и старики, потому что мужчин мобилизовали в армию. Это чисто этническая чистка, но об этом никто не говорит. Постоянно апеллируют к несомненно чудовищной Катыни, но не вспоминают, например, о том, что в 1818 году Александр Первый инициировал введение первой в Российской империи конституции, находясь именно в Польше, выступая в польском парламенте.

Я намерено обостряю и показываю эти острые углы, потому что, если мы будем говорить о том, что все замечательно, это не очень нас продвинет вперед.

**— Мы говорим о фобиях и мифах со стороны стран Балтийского региона по отношению к России. А как сама Россия смотрит на балтийские страны, на постсоветское пространство вообще?**

— Было бы неправильно говорить об отсутствии у России амбиций на пространстве постсоветского ареала. Однако одних амбиций недостаточно, учитывая крайнюю чувствительность, даже деликатность не-



которых вопросов, возникающих во взаимоотношениях России с ее ближайшими соседями. Особенности современного этапа российских отношений с ближним зарубежьем лучше других формул выражает парадоксальная игра слов во французской песне «Je t'aime — moi non plus», условно переводимая как «я тебя люблю — и я тоже нет...»

— Страны Балтии, как и ряд других государств Центральной и Восточной Европы, за минувшую четверть века пережили стремительную трансформацию, ныне претендуя на роль не просто либеральных демократий, а буквально «миссионеров» демократического порядка. Вы упомянули, что тенденция роста влияния властных групп присуща и им, как и странам постсоветского пространства, продемонстрировавшим иные результаты посткоммунистической трансформации. Как Вы думаете, почему?

— Во-первых, нельзя не отметить буквально «обвальное» падение доверия населения к институтам власти в странах Балтии. Это распространенная для государств Центральной и Восточной Европы тенденция. Причем если в случае с президентами или премьер-министрами падение доверия может компенсироваться персональной популярностью того или иного политика, то в случае с парламентом население совершенно четко демонстрирует свое разочарование в депутатском корпусе. На фоне такого разочарования экспансионизм исполнительной власти становится трудно игнорируемым фактом. И еще один нюанс: для стран Балтии важную роль играет их прошлое, а именно довоенный опыт государственности, который был взят ими за основу после обретения независимости. А ведь этот опыт — авторитарный, вспомните хотя бы режим Сметоны в Литве.

— На заре обретения странами Балтии независимости особую роль в этом процессе сыграли так называемые «политики морали» — представители культуры, науки, искусства. Однако очень быстро они были вытеснены на обочину политической жизни. Политика и мораль несовместимы?

— Политика и мораль близки в том смысле, что обе призваны сделать возможным сосуществование индивидов в обществе и уберечь их от взаимного уничтожения. Но с точки зрения содержательных и функциональных особенностей эти феномены существенно различаются. Суть морали — в укрощении эгоистической природы человека в пользу альтруизма исходя из стремления соответствовать некоторым незыблемым нормам, идеалам. В политике же константой является понятие «интерес», а не «идеал». Это не значит, что политика по определению безнравственна — просто базовый критерий нравственности здесь иной, не совпадающий с критериями «приватной» морали.



Если исходить из постулатов политического реализма, то важнейшей движущей силой мировой политики и политики вообще выступает интерес, в мировой политике — национальный, а межгосударственное взаимодействие имеет анархический характер столкновения несовпадающих и конфликтных интересов государств. Основная форма взаимодействия участников мировой политики — конфликт; главный принцип поведения государств на ее арене — «помоги себе сам». Решающим фактором политического успеха в мировой политике выступает сила. Если же рассуждать не в рамках подхода Realpolitik, а с точки зрения либеральной (идеалистической) парадигмы, то здесь политика трактуется как сфера сотрудничества, взаимопомощи, безопасности, права. Ментальность властных групп в отечественной истории, а также в постсоветский период, как правило, адекватно описывается в терминах политического реализма, отнюдь не идеализма.

Именно на рубеже 1980—1990-х годов авторитетнейшими учеными-этиками была инициирована дискуссия о сущности и возможностях ненасилия в политике. Ее смысл заключался в теоретическом обосновании возможности отказа от традиционной для мировой политики ставки на силу. Но парадоксальным образом именно в это время — в 1989—1990 годах — политическая жизнь СССР ознаменовалась чудовищными всплесками насилия. Именно тогда началась череда жесточайших межнациональных конфликтов, которые прошли в ряде областей СССР по сходному сценарию и порой приобретали чудовищные формы.

Традиционным стал тезис о том, что привнесение в политику норм нравственности есть условие ее эффективности. Это действительно так. Но проблема глубже и обусловлена тем, что критерии нравственности в политике специфичны и весьма существенно отличаются от норм и ценностей «приватной» морали.

**— Разговор о политическом руководстве неизбежно предполагает вопрос о каналах формирования органов власти. Насколько хорошо, по-вашему, в современном российском обществе функционируют политические лифты? И есть ли здесь принципиальные различия по сравнению с государствами постсоветского пространства — странами Балтии, например, или странами Европейского союза?**

— Давайте посмотрим на губернаторский корпус. В его становлении мы можем выделить два этапа. Первый — это 1990-е годы, когда был отмечен беспрецедентный для отечественной истории факт обретения региональными лидерами статуса полноправных с федеральными политиками субъектов российской политики. Центр был слаб,



региональные элиты — сильны. Демонстрируя лояльность, они получали, по сути, политическую автономию и статус политического игрока общероссийского масштаба. Однако с приходом к власти Владимира Путина очень скоро стала очевидной иллюзорность субъектности региональных элит. Проводившаяся в 2000-е годы политика усмирения регионов продемонстрировала, что «перетекание» властных полномочий из центра в регионы имело временный характер.

По мере укрепления позиций Москвы ее политика в регионах обрела большую определенность и даже жесткость. Переломным стал 2005 год — год начала фактических назначений губернаторов. Поначалу их преимущественно переназначали, но постепенно кадровая ротация губернаторского корпуса усилилась. Ушли из политической жизни такие тяжеловесы, как Шаймиев, Рахимов, Лужков, успешно сохранявшие власть в течение многих лет. Население же остается «великим немым» в региональной кадровой политике — даже у практически всегда лояльных региональных legislатур больше возможностей для влияния в этом вопросе.

Особенностью нынешнего губернаторского корпуса является его чрезвычайная разнородность. Еще недавно можно было выделить два крупных сегмента — предпринимателей и силовиков. Сегодня и тех, и других стало заметно меньше. Из когорты силовиков начала 2000-х остался практически только Борис Громов. Удельный вес крупных предпринимателей во главе регионов несколько снизился, однако их немало во втором эшелоне региональных руководителей — в составе областных администраций, в региональных собраниях. Прогнозы публицистов о формировании милитократии не сбылись не только на федеральном, но также и на региональном уровне.

Одной из наиболее острых проблем на сегодняшний день остается качество кадрового пула, из которого черпаются кадры. Об этом свидетельствуют хотя бы крайние скромные показатели востребованности региональных лидеров на федеральном уровне. За последние пять лет прецеденты вертикальной мобильности губернаторов крайней редки. В период президентства Медведева отмечены три случая перемещения губернаторов в полпреды: Хлопонин, Ишаев, Толоконский. Перемещения на иные, более высокие ступени властной иерархии не происходили. А вот «варягов», назначенных Москвой, становится в регионах все больше.

В этом смысле мы вряд ли похожи на страны Балтии. По крайней мере, гражданин США президентом России стать не может.